

нии мужчин среди грамотных было 147697 или 61,55%, по Гродненской – 191718 или 71,14%. [2, с.32]

Крайне незначительным было число лиц, имевших высшее образование – 331 человек в Виленской губернии и 744 – в Гродненской. Среднее образование так же было уделом относительно небольшой группы людей – 2640 человек в Виленской и 8338 в Гродненской. [2, с.32]

Рассмотренные в статье данные о народонаселении западнобелорусских земель во второй половине XIX века дают основание сделать вывод, что этот регион не слишком отличался от остальных белорусских губерний, но имел некоторые особенности. Это касалось, прежде всего, характеристики населения по религиозному и национальному признакам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белоруссия в эпоху капитализма. Т.2 / Гл. архивн. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории АН БССР; Сост. З.Е. Абергауз, Н.Л. Рябцевич. – Мн.: Наука и техника, 1990. – 336 с.

2. Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии. 1860 – 1900. – Мн.: Из-во БГУ, 1978. – 312 с.

3. Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. – Мн.: Наука и техника, 1991. – 119 с.

4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Распределение населения по видам занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т.1. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О.Яблонского, 1905. – 459 с.

5. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: Репринт. воспроизведенное изд.1882 г. – Мн.: БелЭн, 1993. – 550 с.

6. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3 – Мн. БелЭн, 1996. – 537 с.

7. Экономическая история Беларуси: Учеб. пособие /В.И. Голубович, Г.И. Ермашевич, Г.П. Бушик и др.; Под ред проф. В.И. Голубовича. – Мн.: “Экоперспектива”, 2001. – 400 с.

УДК 801

Венкович М.С.

СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛОГИЧЕСКОМ ПОЗИТИВИЗМЕ

Формальная логика, рассматривая язык только в аспекте формы и отвлекаясь от его содержательной интерпретации, оставляет в стороне многие вопросы, касающиеся взаимоотношения между языковыми выражениями и теми объектами, которые они называют, т.е. между категориями языка и категориями реальной действительности [1]. И совершенно естественно поэтому, что дальнейшие исследования в области логического анализа поставили на повестку дня целый комплекс вопросов, связанных с семантическими свойствами языка.

Так, уже Г. Фреге, занимаясь проблемами логики и математики, затронул ряд логико-философских вопросов, требовавших глубокого анализа отношений между предметом действительности и тем именем, которым данный предмет обозначается. Но специфической чертой семантического метода Фреге было то, что он впервые подверг тщательному анализу понятие «смысла» [2]. В основу своей семантики Фреге положил идею различения вещи и функции, имен предметов и имен функций. Он считал именование важнейшей функцией языка и из установленной им градации имен предпочтение в процессе исследования отдавал именам собственным.

Обратившись к исследованию семантической структуры имени, Фреге определил эту структуру как состоящую из смысла (Sinn), или представления предмета, и денотации, или значения (Bedeutung), т.е. отнесенности имени к определенному предмету [3]. Причиной, побудившей Фреге различать имена не только по их значению, но и по выражаемому их смыслу, послужили размышления над тем, что такое равенство: если, например, «а» и «в» суть собственные имена, и если рассматривать утверждение тождества вида «а=в» как предложения, в которых утверждается тождество самих объектов, именуемых «а» и «в», то невозможно – в силу принципа предметности – отличить высказывания вида «а=в» от высказываний вида «а=а», так как и те и другие утверждают одно и то же. Если же рассматривать тождество как отношение между выражениями языка, то утверждение тождества «а=в» истинно тогда и только тогда, когда «а» и «в» приписано одно и то же значение. При таком истолковании тождества некоторые трудности снимаются – предложения «а=а» и

«а=в» утверждают не одно и то же. Первое утверждает тождество имени самому себе, второе утверждает, что два различных имени «а» и «в» имеют один и тот же денотат.

Различение значимости предложений «а=а» и «а=в» и выявление познавательной ценности предложений последнего вида окажется возможным, если к каждому имени отнести не только тот предмет, который обозначается этим именем (значение имени), но и тот способ, каким имя обозначает предмет – его смысл.

Однако семантическая концепция Фреге трихотомична и третьим компонентом его теории является связанное со знаком субъективное представление, которое есть внутренний образ о предмете, возникший из воспоминаний о чувственных впечатлениях. Смысл в трихотомии Фреге занимает среднее место между значением, в качестве которого выступает сам предмет, обозначаемый именем, и представлением, носящим субъективный характер.

Тот факт, что один и тот же объект действительности может быть представлен и охарактеризован с разных сторон, Фреге демонстрирует следующим примером: предположим, прямые «а», «в», «с» соединяют углы какого-либо треугольника с серединами противоположных сторон. Точка пересечения прямых «а» и «в» та же самая, что и точка пересечения прямых «в» и «с». В первом случае будем говорить о точке пересечения «ав», а во втором – о точке пересечения «вс». То есть, выражения «точка пересечения ав» и «точка пересечения вс» содержат в себе различную познавательную информацию об одном и том же объекте (точка пересечения), что позволяло Фреге разграничивать в этих выражениях одно и то же значение, но разные смыслы.

В связи с тем, что Фреге рассматривал предложение как частный случай имен, то эту же семантическую модель имени он применил затем и к предложению. Пытаясь решить проблему смысла предложения и исследуя при этом лишь повествовательное предложение, он пришел в итоге к заключению, что каждое повествовательное предложение содержит некоторую мысль, которая может быть только или значением предложения, или его смыслом. Если предположить, что за-

Венкович Михаил Станиславович, доцент филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Брестского государственного технического университета. Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ключающаяся в предложении мысль является значением, то окажется невозможным применить к предложениям принцип замены их на равнозначные, из чего Фреге делает вывод, что мысль может быть только смыслом предложения, но не его значением. В то время, как смысл предложения составляет выражаемая в нем мысль (*Gedanke*), денотацию этого предложения составляет его истинностное значение. Предложение поэтому может отражать действительное «положение вещей», т.е. то, что имеет место в мире – истину, либо то, что не имеет место в реальной действительности – ложь. Фреге приходит к заключению, что в любом суждении делается шаг от уровня мысли (смысла) к уровню значения (денотации), в результате чего содержание высказывания характеризуется как истинное или как ложное.

Проводя различие между значением и смыслом, Фреге одновременно поставил по существу и проблему синонимии языковых выражений. Однако, поскольку в его теории отсутствуют критерии установления тождества выражения по смыслу, то это, как нам представляется, позволяет считать, что Фреге все же не создал цельной теории смысла. Кроме того, слабым местом в теории Фреге является то, что он рассматривал только «простые» объекты действительности, оставляя без внимания так называемые «сложные» объекты (т.е. ситуацию), которые отображаются в предложении в результате лексико-синтаксического взаимодействия компонентов высказывания, в силу чего отношение смысла предложения к действительности становится исследованным ограничено. Иными словами, Фреге не анализировал синтаксические отношения членов высказывания, как структурный остов смысла предложения, поэтому фрегевский смысл вряд ли в полном объеме может быть применим при исследовании смысловой структуры высказывания.

Дальнейшее развитие понятия смысла Г. Фреге получило в работах представителей логического атомизма, твердо стоявшего на философских позициях неопозитивизма и послужившего затем основой лингвистической философии. Так, А. Черч писал, что «смысл предложения можно описать как то, что бывает усвоено, когда понято предложение» [4]. Согласно А. Черчу, можно понимать смысл предложения и при этом не знать о его денотате (истинностном значении) ничего, кроме того, что оно определяется этим смыслом. Смысл предложения в теории А. Черча представляется еще более аморфным, чем у Г. Фреге.

По мере того, как в фокус логических исследований попадало смысловое содержание высказывания, понятия и категории семантики, выработанные логиками применительно к имени, перемещались в сторону предложения. Логики пришли постепенно к мысли о том, что логический анализ языка необходимо проводить одновременно с анализом онтологической структуры реальной действительности. Одним из первых атомистов-позитивистов здесь был Б. Рассел, который писал: «Я думаю, что существует зависимость между структурой предложений и структурой тех событий, к которым относятся предложения. Мне не кажется, что структура невербальных фактов совершенно непознаваема, и я уверен, что особенности языка, пользуясь ими достаточно осторожно, могут нам помочь в понимании структуры мира» [5].

Но здесь сразу же встает проблема невербального факта – что это такое? С одной стороны, каждое восприятие субъекта, отличающееся от других его восприятий, есть, согласно логическому атомизму, факт, а с другой – факты существуют объективно, независимо от субъекта, за пределами воспринимаемого опыта. Такое всеобъемлющее понимание факта как процесса, происходящего в сфере вещей, и как восприятия этого процесса субъектом объясняется, видимо, тем, что в конечном счете факт сводится логическими позитивистами к его существованию только в феноменальном поле субъекта.

Одной из важнейших характеристик фактов в логическом неопозитивизме является их атомарность, т.е. независимость друг от друга, так что из существования или несуществования одного из них логически не вытекает существование или несуществование другого факта. Это мнение заимствовано, видимо, из ложной интерпретации традиционной формальной логики, где факт считается просто комбинацией формальных сущностей, т.е. отношением субъекта и предиката. Всякую такую комбинацию можно рассматривать как самостоятельно образованную, независимо от сочетаний других субъектов и предикатов. Это правило формальной логики неопозитивисты перенесли на действительность, которая для них не идет далее чувственных данных [6].

Строго следуя принципу параллельной структуре зависимости логической структуры языка от онтологической структуры эмпирической действительности, неопозитивизм вынужден был искать и соответствующую форму выражения атомарного факта в языке. Такой формой оказалось атомарное высказывание, некоторая совокупность которых составляет так называемое молекулярное предложение. Истинность или ложность молекулярного предложения определяется истинностью или ложностью входящих в него атомарных высказываний. Истинность же или ложность последних зависит только от их отношения к описываемым ими фактам. Например, молекулярное предложение «*r* или *q*» истинно, если истинны или *r*, или *q*, или они оба, и ложно в том случае, если и *r* и *q* ложны.

Логико-философский подход к миру и смысловой подход к предложению наиболее заостренно проявился у Л. Витгенштейна, который поставил перед собой задачу показать, как структура реального мира отображается в структуре высказывания. Согласно Витгенштейну, «мир есть все то, что имеет место. Мир есть совокупность фактов, а не вещей. Мир определен фактами и тем, что все это факты» [7]. Мир выступает у него как конгломерат простейших, единичных, несвязанных фактов, т.е. отрицается закономерная внутренняя связь элементов действительности. Кроме того, если мир есть все то, что имеет место, то это место не обязательно должно присутствовать в действительности, оно может быть местом в сознании.

Предложение, по Витгенштейну, есть образ действительности, ее модель, и имеет смысл в первую очередь благодаря объектной субстанциальности мира. Если бы мир не имел субстанции, то невозможно было бы построить образ мира (истинный или ложный) и имеет смысл предложение или нет – зависело бы от того, истинно или нет другое предложение. Образ как воображаемый мир, как бы он не отличался от реального, должен иметь нечто общее с действительным миром, т.е. всеобщим условием отображения реального факта в высказывании является, согласно Витгенштейну, логическая форма, или форма действительности. Именно логическая форма позволяет моделировать действительность, причем элементы образа замещают в образе объекты. Логическая форма не изображается, она отражается в предложении. Предложение способно лишь показать логические формы действительности.

Подобно Расселу, Витгенштейн утверждает, что только предложение имеет смысл, а словам присуще значение. Но в отличие от Рассела он проводит это разграничение намного четче и концентрирует свое внимание на исследовании смысла высказывания. Высказывание, по его мнению, показывает свой смысл, показывает как обстоит дело, если оно истинно, и понять высказывание – значит знать, что имеет место, когда оно истинно. А истинным или ложным высказывание может быть только будучи образом действительности. Смысл высказывания создается не просто перечнем значений входящих в него слов, а в результате сложного их взаимодействия по определенным правилам. Он приходит к выводу, что «тайна» образования смысла кроется в той *внутренней связи*, в которую вступают слова в структуре высказывания, т.е. в логико-

синтаксической форме предложения. Таким образом, кроме семантического он подчеркивает важность и логико-грамматического аспекта смысла высказывания.

Так как высказывание в понимании Витгенштейна ни в коем случае не является именем ситуации (факта), есть всегда ее описание, поэтому в нем, как и во всяком описании, на первое место выступает не экстенциональное указание на существующий факт, а интенциональная содержательная информация о некоторой ситуации, т.е. смысл. Ввиду этого высказывания, описывающие несуществующие ситуации, могут быть осмысленными.

Витгенштейн неразрывно связал понятие смысла с логическими возможностями или условиями истинности высказывания, и идею отображения реальности посредством языка он применяет главным образом для решения проблемы смысла высказывания. Согласно его теории, понимание смысла высказывания, в отличие от значений истинности или ложности, не дает еще знания действительного положения вещей, а сообщает лишь о возможном положении вещей и предполагает две альтернативные возможности – существование и несуществование соответствующей ситуации. Какая из двух возможностей оказывается истинной зависит от того, что имеет место на самом деле, и выясняется сопоставлением смысла с действительным положением вещей. Получается, что смысл высказывания соответствует возможному факту и задается условиями его истинности, или, как писал Витгенштейн, «смысл предложения есть его согласование или несогласование с возможностями существования и несуществования атомарных фактов» [7, с. 55].

Следует отметить, что такая односторонне эмпирическая концепция смысла высказывания оказывается крайне узкой и ограниченной, чтобы выполнять роль всеобщей концепции смысла, поскольку сведение информативного смысла высказывания к чисто фактуальным эмпирическим сообщениям игнорирует специфику теоретического уровня знания, не имеющего непосредственно эмпирического характера. Кроме этого, употребление слова «смысл» у Витгенштейна различ-

но, а это в свою очередь ведет к противоречивому пониманию самого смысла высказывания [8], что убедительно подтверждает разработанная им позже развернутая функциональная теория смысла [9], оставшись на принципиально философских позициях логического позитивизма со всеми присущими ему трудностями.

Вместе с тем нельзя не отметить весьма важный для лингвистики вывод о том, что лексические единицы языка обладают своим семантическим содержанием – значением, а высказывание характеризуется в свою очередь только смыслом, которой не есть простая сумма значений составляющих высказывание лексем, а результат сложного взаимодействия значений лексических компонентов высказывания. Другое дело, что подходить к решению этой проблемы необходимо не с точки зрения строгого одностороннего соответствия структуре языка структуре реальной действительности, не с позиции только функции языковых элементов, а с учетом сложного комплексного взаимодействия всех сторон языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. См. Венкович М.С. Смысл высказывания в формальной логике. // Вестник БГТУ № 6. – Брест, 2003.
2. Dummet M., Frege. Philosophy of Language. – London, 1973.
3. Frege G. Über Sinn und Bedeutung. // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – Leipzig, 1892, № 100.
4. Черч А. Введение в математическую логику. – М., 1960, 31 с.
5. Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. – London, 1962.
6. Carnap R. Der logische Aufbau der Welt. – Wien, 1973, 86 S.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958, 31 с.
8. Dietrich R.A. Sprache und Wirklichkeit in Wittgensteins Traktatus. – Tübingen, 1973, 87 S.
9. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. – Frankfurt am Mein, 1971.

УДК 802 (07)

Жданов А.А.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

(из опыта обучения английскому языку студентов экономического факультета)

Проблема совершенствования форм и методов обучения иностранным языкам (ИЯ) существует, по-видимому, с тех пор, как само обучение им сложилось в самостоятельный вид человеческой деятельности.

Однако, несмотря на богатейший (хотя, надо признать, отчасти и противоречивый) практический опыт, результаты, к которым приходят учащиеся к концу курса обучения – школьного, вузовского ли, – по-прежнему оставляют желать лучшего, что побуждает как самих преподавателей-практиков, так и методистов, психологов и языковедов, занимающихся проблемами обучения ИЯ, к поиску путей совершенствования существующих форм и методов обучения, повышения их эффективности.

В последнее время такие поиски велись и ведутся преимущественно в двух направлениях. Во-первых, в направлении интенсификации и, если можно так выразиться, актуализации процесса обучения в целом (главным образом, за счет

использования современных технических средств обучения), а также активизации скрытых возможностей самого обучаемого; во-вторых, в направлении разработки более эффективных приемов обучения отдельным видам иноязычной речевой деятельности или их аспектам и создания на этой основе более эффективных, как узконаправленных, так и комплексных, учебно-дидактических материалов.

Что же касается обучения устной речи, то главной проблемой здесь, как известно, по-прежнему остаётся обучение тому, что называется свободным говорением – умению вести беседу на ИЯ спонтанно, без непосредственной предварительной подготовки.

На сегодняшний день, как показывает практика, студенты неязыкового вуза, в своем большинстве, по окончании курса ИЯ в состоянии достаточно уверенно пересказать иноязычный текст, сделать монологическое высказывание и сносно вести беседу на ИЯ в пределах так называемых “устных тем”

Жданов Александр Алексеевич, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.